

Мотив связи человека и животного в генеалогических преданиях бурят

<https://doi.org/10.31483/r-107451>
УДК 398.1 (571.531)

Дебеннова З. А.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН ROR
г. Улан-Удэ, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-8824-6624>, e-mail: debenova@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается разновидность мотива чудесного рождения ребенка у человека от представителя животного мира (зверя, птицы, рыбы) в повествованиях о происхождении бурятских племен и родов. Главная задача исследования состоит в выявлении структуры сюжетов, где присутствует данный мотив, определении его места, анализе закономерностей и вариантов его бытования. В качестве материалов исследования использованы варианты сюжетов с мотивом подобной связи, среди которых как уже опубликованные тексты из работ и сборников по бурятскому фольклору, так и не рассматриваемые ранее материалы из личного фонда С. П. Балдаева, хранящиеся в архивной коллекции Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Для выполнения поставленной цели были использованы описательный метод и метод структурного анализа. Предания, повествующие о происхождении основных бурятских племен Булагат, Эхирит, Хори и Хонгор, считаются общепереносимыми, в то время как предания о родах более локальны и сохраняются только среди представителей определенного рода. Автор приходит к выводу, что данный мотив находится в тесной связи с образами бурятских родоначальников, а его присутствие в генеалогических преданиях обусловлено стремлением к ощущению кровного родства с окружающей средой. Также в сюжетах прослеживаются патриархальные воззрения бурят.

Ключевые слова: мотив, бурятский фольклор, генеалогические предания, сказочная проза, чудесное рождение.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект №121031000302-9 «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII — нач. XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия»).

Для цитирования: Дебеннова З.А. Мотив связи человека и животного в генеалогических преданиях бурят // Этническая культура. 2023. Т. 5, №4. С. 15-21. DOI 10.31483/r-107451. EDN CTZZJL

Review Article

The motif of a relationship between a human and an animal in genealogical legends of the buryats

Zinaida A. Debenova

ROR Institute of Mongolian Buddhist and Tibetan Studies
Ulan-Ude, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-8824-6624>, e-mail: debenova@gmail.com

Abstract. The given article discusses the motif of the miraculous birth of a child from an animal in the narratives about the origins of Buryat tribes and clans. The study sets a goal of identifying the structure of plots where this motif is present, determine its place, analyze the patterns and describe the variations of its existence. The research materials include texts from works and collections on Buryat folklore as well as previously unconsidered materials from the personal fund of S. P. Baldaev, stored in the archive collection of the Center for Oriental Manuscripts and xylographs IMBT SB RAS. The legends that tell about the origin of the main Buryat tribes: Bulagat, Ekhirit, Khorí and Khongodor are considered common for all Buryat people, while the legends about clans are local and are preserved only among representatives of a certain clan. The author concludes that this motif is closely related to the images of the Buryat ancestors, and its presence in genealogical legends is conditioned by the people's strong need of feeling a deep bond with nature. In addition to that, the analysis of the material shows how patriarchal views of the Buryats are often highlighted in genealogical legends.

Keywords: Buryat folklore, genealogical legends, non-fabulous prose, motif, miraculous birth.

Funding. The article was prepared within the framework of the state assignment (project No. 121031000302-9 "Monuments of writing of the peoples of Russia and Inner Asia in Eastern languages and archival documents of the 18th – early 21st centuries in the context of intercultural interaction").

For citation: Debenova Z.A. (2023). The motif of a relationship between a human and an animal in genealogical legends of the buryats. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(4), 15-21. EDN: CTZZJL. <https://doi.org/10.31483/r-107451>.

Введение

Генеалогические и этногенеалогические предания занимают особое место в системе жанров бурятского фольклора. Родовая община издревле являлась традиционной для бурят социальной моделью, следовательно, родственные связи служили базой для регулирования общественных и межличностных отношений. Сюжеты генеалогических преданий повествуют об установлении подобных связей и обосновывают их легитимность, что играло большую роль в процессе формирования у индивида

национальной идентичности, построения целостной картины мира, а также выстраивании внутрисоциальных связей. Отечественный фольклорист С. П. Балдаев в своей работе, посвященной бурятским родословным легендам и преданиям, подчеркивал их важность следующим образом: «Незнание родословной племени, рода и улуса, происхождения и расселения их, легенд, преданий и сказаний, связанных с ними, а также родовых и племенных песен считалось большим позором» [Балдаев, 2019, с. 35].

Все монгольские народы, в том числе и буряты, традиционно придерживались строгих правил экзогамии, соблюдение которых подразумевало обязательное знание семейной родословной. Запрет на вступление в брак людям, имевшим родственников до седьмого, а в некоторых случаях и до девятого колена, соблюдался довольно строго. В связи с этим изначально сложилась традиция устного заучивания имен предков по отцовской, реже по материнской линии, а позднее и письменного составления семейного древа и генеалогических таблиц. Подобные таблицы становились основой для устных повествований о происхождении рода, биографий выдающихся людей и ключевых событиях из истории семьи. Именно предания о происхождении племени и рода с ранних лет закладывали основы для формирования личности, принадлежащей к определенному социально-этническому обществу. Данные сюжеты, помимо подлинных фактов об исторических событиях и личностях, нередко включают в себя разнообразные элементы мифологического мировоззрения. Так, родственные связи, обозначаемые в генеалогических таблицах, зачастую восходят к мифическим первопредкам – основателям племен, которые по сюжетам преданий так или иначе связаны с животными, птицами или рыбами: быком, лебедем, налимом и т. п.

В период поисков новых духовных ориентиров после распада Советского Союза материалы генеалогических преданий, на основе которых составлялись генеалогические таблицы, не утрачивают своей актуальности, а, наоборот, все чаще привлекают внимание общественности. Уже в советский период составление генеалогий становилось попыткой сохранения национальной идентичности и культурных ценностей, отличных от идей социализма, и потому такие таблицы могут рассматриваться скорее как альтернатива официальным версиям истории, нежели как средство реконструкции реальных родственных отношений между людьми [Zhanaev, 2020, с. 97]. То, что подобные генеалогии и фольклорные материалы в настоящее время становятся частью процесса формирования новой бурятской идентичности, неоднократно отмечается в работах Б. З. Нанзатова и М. М. Содномпиловой: «Как показывает опыт общения с многочисленными желающими восстановить родословную семьи, генеалогические мифы имеют огромное значение в деле реконструкции родословных» [Nanzatov, 2020, с. 50].

Первые исследователи, среди которых Г. Ф. Миллер, И. Фишер, А. Н. Радищев, Г. И. Спасский, в целях изучения происхождения бурятских родов обращались к генеалогическим преданиям еще в XVIII в. Тем не менее систематического изучения бурятского фольклора до XX в. не происходило, а сбор материалов носил стихийный характер. Бурятская фольклористика выделяется в качестве самостоятельной науки в советский период.

В отечественной фольклористике до сих пор актуальным является вопрос о жанрах сказочной прозы, и четких рамок между терминами «легенда», «предание» и «миф» на данный момент нет. Зачастую

авторы используют данные термины как синонимы по отношению к одним и тем же сюжетам, порой в одних и тех же работах. Несмотря на то, что жанр преданий традиционно характеризуется установкой на достоверность, в рассматриваемых в данной статье материалах ярко прослеживаются элементы мифологического мышления и тотемизма. В рамках данной работы под генеалогическими преданиями мы подразумеваем все фабулаты (рассказы от третьего лица) генеалогического содержания, т. е. объясняющие происхождение бурятских племен и родов.

Сюжетным типам и мотивам в отечественной фольклористике посвящен ряд работ. Интересующий нас мотив рассматривается в большинстве из них. Так, чудесное рождение изучается Д. В. Убушиевой в калмыцком эпосе «Джангар» [Убушиева, 2020]. В работе автор рассматривает его в диахроническом аспекте, что позволяет проследить трансформацию мотива.

Чудесное рождение также нашло отражение в якутском олонхо [Данилова, 2016; Данилова, 2017]. Выделение указанного мотива как отдельной сюжетной составляющей позволяет исследователям сделать выводы о древних религиозных воззрениях якутов. Имеются работы, посвященные изучению мотива чудесного рождения в башкирской сказке [Зинурова, 2019] и карачаево-балкарском народном творчестве [Хаджиева, 2016]. В них авторы приходят к выводам о тесной связи мотива чудесного рождения с фактом необычности и исключительности героя.

Таким образом, выделение мотива в сюжетной канве позволяет исследователям детально рассмотреть как его функциональное значение, так и связь с другими элементами композиции, а также прийти к выводам о трансформации мировоззренческих взглядов носителей фольклорной традиции.

Материал и методы исследования

Исследование посвящено разновидности мотива чудесного рождения в результате связи человека и животного в бурятских генеалогических преданиях. Основной целью данной статьи является построение общей схемы сюжетов, в которых присутствует данный мотив, выявление общих черт и локальных особенностей разных вариантов повествований. Также в научный оборот вводятся ранее неопубликованные тексты из личного архива С. П. Балдаева, хранящегося в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Результаты исследования и их обсуждение

Мотивы чудесного зачатия и волшебного рождения имеются в фольклорных сюжетах подавляющего большинства мировых культур, причем в произведениях как сказочной, так и несказочной прозы. Научной литературы по данному вопросу довольно много: антропологи, лингвисты, фольклористы и психологи пытаются найти объяснение столь широкому бытованию таких сюжетов, и разные ученые порой приходят к противоречивым выводам.

Некоторые исследователи связывают веру в возможность сверхъестественного зачатия с отсутствием у первобытных людей представлений о физической составляющей деторождения. В. М. Жирмунский, возникновение мотива связывал с представлениями людей о партеногенезе, т. е. зачатием ребенка без участия мужчины [Жирмунский, 1960, с. 164]. В. Я. Пропп отмечает, что «...любое событие (пробежавший зверь, порыв ветра, проглоченный камушек или орех и т. д.) в связи с общими основаниями первобытного мышления может считаться причиной рождения ребенка» [Пропп, 1976, с. 206]. В той же работе исследователь выделяет следующие разновидности чудесного рождения: 1) представления, связанные с живительной силой растительной природы (иногда с элементами тотемизма); 2) представления, связанные с тотемизмом; 3) мотивы, восходящие к мифам о создании первых людей [Пропп, 1976, с. 237].

В теории структурализма существует представление о бинарных оппозициях. Французский антрополог К. Леви-Стросс применяет эту идею в своих исследованиях по антропологии и утверждает, что человек на ранних этапах развития воспринимал мир через противоположные друг другу категории, так называемые оппозиции: холодное – горячее, сырое – приготовленное и т. д. В рамках мифологического мышления эти категории находятся в конфликте и разрешаются при помощи введения медиатора – некоего посредника между оппозициями, совмещающего в себе признаки обоих полюсов. Таким образом, можно прийти к выводу, что чудесный ребенок является медиатором между оппозициями «природа» и «человек», разрешая существующий в традиционном мышлении конфликт.

Позже Ф. Дескола, ученик К. Леви-Стросса, используя примеры из разных культур народов мира, утверждает, что в традиционном мировоззрении природа почти никогда не является чем-то обособленным от человека, а ее объекты – растения и животные – находятся в рамках точно таких же межличностных и социальных связей с людьми, как и остальные полноправные члены общества, что ставит под вопрос существование оппозиций как таковых. Следовательно, упоминание в фольклоре союзов с животными ярко отражает тот факт, что в глазах людей разницы между ними нет: «разве мог бы состояться подобный союз, если бы у человека не возникло нежного чувства, позволившего разглядеть облик желанного супруга под внешней оболочкой животного?» [Дескола, 2012, с. 29]. Е. М. Мелетинский в свою очередь отмечал, что тотемический супруг удовлетворяет требованию экзогамии, и поэтому этот чудесный брак в отличие от инцеста считается нормальным [Мелетинский, 2019, с. 35].

Мотив связи человека и животного в преданиях о происхождении бурятских племен

Среди рассматриваемых нами сюжетов, связанных с мифическим прародителем, наиболее популярными являются повествования о происхождении племен Булагат, Эхирит, Хори и Хонгдор – наиболее

крупных этнических групп, от которых в свою очередь происходит последующее деление на роды. Так как происхождение всех бурят так или иначе восходит к этим четырем племенам, этногенетические предания закономерно привлекают к себе наибольшее внимание как среди широкой общественности, так и в научных кругах.

Так, мифическими первопредками племен Булагат и Эхирит являются волшебные дети, чье происхождение связано с образами сивого быка и пестрого налива. Почти во всех преданиях Эхирит и Булагат становятся названными братьями, и в них, как правило, не подчеркивается непосредственный контакт человека и животного.

В обоих вариантах данного предания присутствует бык: в первом – старику и старухе, покинутыми своими детьми, он на своем роге приносит люльку с ребенком. Во втором – у двух бездетных шаманок дитя в железной люльке чудесным образом появляется после проведения ритуала воззвания к духам. При этом до того как быть обнаруженным шаманками, ребенок рождается у дочери влиятельного хана, в сторону которой волшебный бык производит какие-либо действия: «Чтобы отомстить ей за причиненное зло, сивый пороз силой своего волшебства (жилбөөр) познал ее три раза в три года, и она родила трех сыновей» [Балдаев, 2019, с. 43]; «Сивый пороз по направлению к ней сделал так, как делают производители по отношению к корове во время течки»¹; «Буха ноен посмотрел на дочь хана и сделал знак, какой делают быки в сторону коровы»².

В рассматриваемых вариантах нет описания непосредственного контакта девушки и быка, однако совершение какого-то действия или подавание особого знака (*сделал так, как делают быки; познал ее*) приводит к беременности и рождению ребенка.

В свою очередь предание об Эхирите тесно связано с преданием о Булагате и почти никогда не встречается отдельно от него. Согласно сюжету, уже подросший Булагат начинает допоздна задерживаться на берегу озера Байкал, играя с выходящим из воды мальчиком (в некоторых вариантах из воды выходят двое – брат и сестра). Его родители решают усыновить и второго мальчика, и поэтому просят Булагата помочь его поймать. В итоге вышедшего из воды ребенка называют Эхиритом. Несмотря на то, что в сюжетах, как правило, не упоминаются его родители или родство с волшебным животным, тотемом племени Эхирит традиционно считается пестрый налим. Единственным, что объединяет образ данного персонажа и налива, является объяснение данного ему шаманкой имени: *Эрезн гутаар эсэгэтэй, эргийн габа эхэтэй Эхирит* (У Эхирита мать – расщелина в берегу, отец – пестрый налим) [Балдаев, 2019, с. 16].

Другим примером мифического прародителя может быть птица, являющаяся тотемом племен Хори и Хонгдор, – лебедь или гусь. Центральным сюжетом

1 Центр восточных рукописей и киелографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Фонд 36. Опись 1. Дело 1262. Л. 12.

2 Там же. Дело 337. Л. 93.

в их преданиях выступает нарратив о происхождении их от небесной девы-лебедицы или гусыни. В нем герой видит купающихся в озере девушек, которые сбросили свои волшебные накидки, превращающие их в птиц. Мужчина прячет одежду одной из них и позже вынуждает ее выйти за него замуж. Она становится его женой, и в браке у них рождаются дети. По прошествии многих лет жена просит мужа показать ее волшебную одежду. Уверенный, что после стольких лет совместной жизни она не оставит его, муж соглашается, жена вновь принимает облик птицы и вылетает через дымовое отверстие. Рожденные в их браке дети становятся основателями хоринских или хонгдорских родов.

В архивном фонде С. П. Балдаева в деле «Мифы, легенды и предания бурятского народа» хранится ранее нигде не опубликованный и не известный вариант предания о происхождении племени Хонгдор: «Одна девушка из племени Хотогойто пасла овец в степи. День был жаркий. Она изнемогла от жары, легла под одинокое дерево и уснула. В это время прилетела стая лебедей. Они спустились около девушки и стали пастись. Вожатый лебедей подошел к девушке и вошел с ней в связь. Девушка видела сон: красивый молодой человек ласкает ее. Она проснулась и увидела жоака лебедя, который возился над нею. От этой связи она забеременела. В скором времени она родила сына и назвала его Хонгдор»³.

В этом варианте упоминается непосредственный контакт девушки и животного, в результате которого рождается основатель племени. Повествование выделяется среди других упомянутых нами сюжетов тем, что здесь физический контакт никак не завуалирован, что противоречит ментальной регламентации бурят в вопросах интимных отношений. Также в этом варианте приводится этимология этнонима Хонгдор, где хон переводится как благородная птица, а гоодор – эрегированный половой орган⁴.

Мотив связи с животным в преданиях о происхождении бурятских родов

В свою очередь племена у бурят делятся на роды. Если предания о происхождении племен можно считать общепурятскими, и они распространены в народной среде, то родовые предания хранятся и передаются только внутри представителей определенного рода. Как правило, в таких преданиях мифологические элементы встречаются намного реже, сюжеты строятся вокруг знаменитых личностей и исторических событий, а повествование максимально приближено к действительности. В то же время в архиве С. П. Балдаева в делах «Мифы, легенды и предания бурятского народа» и «Тотемы бурятского народа» имеются материалы, содержание которых заметно отличается от уже известных и ранее опубликованных родовых преданий, и в них довольно часто упоминаются контакты людей и животных. Далее приведем краткие пересказы и цитаты из интересующих нас текстов.

В ходе исследования нами было обнаружено два сюжета, связанных с образом коня, оба повествуют о происхождении рода Шаранут. В Халхе жил некий человек. У него была дочь, которую родители очень баловали, на хорошем жеребце она разъезжала по вечеркам молодежи. «Жеребец заржал на нее и сделал такое движение губами, какое он делал по отношению к кобылицам. От этого девушка забеременела... В скором времени она родила сына, которого назвали Шаранутом...»⁵; «В Аларе жила одна девушка, звали Обтойхон – страстненькая... Она поехала к родственникам своей матери в долину реки Унга. Дорогой девушка сошла с лошади у шаманской остановки – барьса... В это время ее жеребец трижды заржал на нее так, как они делают при кобылице. От этого девушка зачала и родила сына. Родители стали принуждать, говоря: от кого ты отяжелела? Она рассказала случай с жеребцом в пути в Унгу. Мальчика назвали Шара азаргааа олодохон Шаранут – Шаранут, зачатый от желтого жеребца»⁶.

Оба варианта предания похожи. Поскольку буряты вели кочевой образ жизни, конь традиционно занимал центральное место в системе ценностей, являясь общепринятым мерилом богатства как в материальном, так и в духовном плане. Ввиду этого возведение генеалогии рода к почитаемому животному представляется логичным и оправданным.

Между тем два бурятских генеалогических предания о роде Унгут и безымянном роде из улуса Нохой ураг связаны с образом собаки: «В Тунке, в долине реки Иркут, живут буряты Унгутского рода. Они выходцы из Халхи во времена воина Галдан бошогто хана. Они считают своим тотемом собаку. В давние времена прапрабабушка их хан Хамагша тез ибии овдовела в молодости и вошла в связь с собакой. Родила сына и назвала его *ундэрхоо олодохон Унгут* – Унгут, рожденный от высоких тэнгэри»⁷; «В далекие времена одна девушка из рода Хадалая заблудилась в лесу во время облавной охоты и попала в Собачье царство – *Нохой хаанай урам*. В этом царстве все мужчины рождаются собаками, а женщины обыкновенными людьми... Сторожевые собаки поймали эту заблудившуюся девушку, и повели к своему собачьему хану... Одна собака сидела около девушки и любовно поглядывала на нее... После этого собака-хан сказал девушке: “Ты должна выйти замуж за этого моего воина”... Девушка стала жить с собакой, как муж с женой. Собака рано утром уходила на охоту, ловила зверей и птиц, приносила домой... Девушка решилась бежать. Утром, как только собака-муж ушел на охоту, девушка пошла прямо на юг по солнцу... Наконец, она пришла домой. Из собачьего царства она пришла беременной, родила сына, которого назвали Нохоем – *нохойхоо олодохон Нохой* – зачатый собакой Нохой»⁸. У бурят собака считалась хорошим животным, которое помогало в хозяйственной жизни. Приведенное предание свидетельствует о случаях почитания собаки как тотемного предка.

5 Там же.

6 Там же. Дело 1262. Л. 18.

7 Там же. Л. 20.

8 Там же.

3 Там же. Л. 100.

4 Там же.

Упоминание о собачьем царстве *Нохой хани урам* с мужчинами-собаками также встречается в сюжете, записанном М. Н. Хангаловым [Хангалов, 1960, с. 220]. А. А. Бадмаев в своем исследовании, посвященном образу собаки в традиционном мировоззрении бурят, приходит к выводу о том, что данный сюжет имеет китайские корни [Бадмаев, 2023, с. 34].

Предания о родах Нарат и Уляба связаны с образами птиц, сороки и совы: «В давние времена жила одна девушка в местности Зуга, на устье реки Ока. Родители были убиты на войне. Она жила одна, кругом никого не было. В одиночестве она подружилась с самцом сороки, жили и спали. Один раз ночью самец вошел в нее, и она забеременела. Родила сына и назвала его шаажгайһаа олодоһон Шажа номон – зачатый самцом сороки Шажа номон. Шажа номон вырос и женился на девушке тунгуске, образовали бурят Наратского рода»⁹.

Похожее предание о кости Нарат (*яһан* ‘кость’ – одно из слов, обозначающих родовую принадлежность бурят) было записано М. Н. Хангаловым, однако в нем сорока не является отцом прародителя, а лишь помогает оказавшейся в одиночестве беременной девушке [Хангалов, 1960, с. 378].

«В давние времена в Барге жил один человек. Звали его Солон зарин. Он был большим шаманом. Жену звали Сулэйхэн... В этой войне погибли шаман Солон со своей женой. Их дочь Балайхан осталась круглой сиротой... Она осталась одна... Ночью к ней пришел самец совы. Она не отогнала его. В одиночестве и самец совы был ей другом. Она заснула крепким сном и проснулась ночью. Самец возился над ней. После этого она почувствовала себя беременной... Настало время родов. Она родила мальчика, устроила приспособление у дерева наподобие люльки из бересты и листьев осины и положила ребенка. Самец сова кормил своего сына разными ягодами. Сулэйхэн назвала своего сына Уляба – *Уули шубуун эсэгтэй, уляһан модон үлэгтэй Уляба* – отец птица-сова, люлька из осины. От этого мальчика произошли буряты рода Уляба»¹⁰. В мировоззрении бурят сорока и сова обладают амбивалентной коннотацией, считаясь как предвестниками беды, так и посланниками светлых сил, их образы часто связываются с миром духов [Бадмаев, 2020, с. 112].

В приведенных сюжетах также подчеркивается одиночество девушки, после смерти родителей оставшейся сиротой, ее дружеские отношения с птицей, что отличает эти предания от остальных, рассмотренных нами.

Еще одной птицей, с которой связывают родство бурятские роды, является глухарь: «У хойбы была дочь, звали ее Хоорье... Дочь пасла коров. Вечером, когда нужно было гнать стадо домой, то не оказалось в наличии одного бычка. Искала она до позднего вечера и услышала глухариный ток. Ток ей понравился, и она подошла ближе. Посередине полянки бегала самка, за ней бежали, растопырив крылья самцы. Они дрались между собою. Это было очень забавно. Она

9 Там же. Л. 19.

10 Там же. Л. 31.

не отводила с самцов свои глаза и незаметно для себя, села на корточки, стала подражать им. В это время два самца, дерясь, клевая друг друга, налетели на нее, свалили ее, залезли на нее и продолжали драку. Своими когтями они разорвали одежду девушки, совсем оголили. Она едва отделалась и пошла домой. После этого случая она почувствовала тяжесть и забеременела. Родила сына и назвала его хойрһоо олодоһон Хоргон – от глухаря зачатый Хоргон»¹¹.

Такие дикие животные, как волк и медведь, считаются тотемными предками родов Шоно и Хорлос: Мать Шоно была бездетна, поссорилась с мужем и ушла к своим родственникам. Боясь погони мужа, она пошла по лесу. «В лесу она встретила большого матерого волка – азарга боро шоно. Волк три раза кидался на нее. Она страшно испугалась, и упала и лишилась чувства. Когда она пришла в себя, то волк лизал ее голый живот. После того она почувствовала тяжесть внизу живота и забеременела. Больше года жила у своих родственников, родила сына, назвала его шоноһоо олодоһон Шоно – Шоно, зачатый от волка»¹²; «Девушки пошли на вечерку, поплясали и поиграли, вернулись поздно ночью домой, и легли спать под навесом на арбу... Медведь увез девушку в свою берлогу. Они стали жить, как муж и жена. Медведь ласкался к девушке, облизывал языком, чтобы она обросла шерстью... Через год у родился сын. Рос он, как сказочный герой, не по дням, а по часам. Он вырос и стал невероятным силачом... Тогда сын стал просить мать, чтобы она повела его к своему отцу... Они вышли из берлоги и пошли по направлению к улусам. Медведь вернулся с охоты в берлогу, камень был отшвырнут, жены и сына не было. Он рассвирепел и побежал догонять беглецов, догнал их у опушки леса. Медведь сразу же кинулся на жену и хотел избить ее. Сын заступился за свою мать и одним ударом убил медведя... Сына медведя родственники принял в свой род, совершили все обряды, связанные с усыновлением детей. Совершая обряд укладывания ребенка в колыбель – улгыда оруулаха, дали ему имя Баабгайн хубун – Сын медведя. По преданиям Баабгайн хубуун женился на девушке рода Туралик и образовал род бурят Хорлос, живший под г. Нижнеудинск, на речке Доода Уда – Нижняя Уда»¹³.

Очевидно, что в сюжетах, связанных с дикими животными, намного ярче прослеживается хищнический характер и агрессивность тотема: волк кидается на женщину, медведь силой удерживает девушку, бросается в погоню, угрожает расправой.

Выводы

Мотив связи человека и животного встречается как в племенных бурятских генеалогических преданиях, в которых тотемы сивого быка, пестрого налима, гуся или лебедя становятся общепурятскими, так и в локальных, менее распространенных родовых преданиях, где тотем имеет непосредственное отношение лишь к какому-либо отдельному роду. Мотив присутствует

11 Там же. Л. 16.

12 Там же. Дело 1262. Л. 28.

13 Там же. Л. 24.

как в объемных сюжетах, приближенных к сказочным (с царствами, говорящими собаками или медведями), так и в небольших преданиях, максимально приближенных к реальности. Часто в повествованиях упоминаются имена действующих лиц, дается название конкретной местности, где происходят события, называется конкретный род, который пошел от родившегося потомка, его административная принадлежность.

Мотив чудесного рождения находится в тесной связи с образами основателей племени или рода. Таким образом в народном мировоззрении отражается исключительная важность для бурят ощущения кровного родства с окружающей средой, а также подтверждение того факта, что существование их рода не вступает в конфликт с силами природы, а, наоборот, является следствием соприкосновения с ней.

В связь с животным, как правило, вступает девушка (кроме варианта предания, в котором в качестве чудесной супруги фигурирует волшебная жена-лебедица или гусыня), а ребенком всегда становится сын. Общая структура сюжетов при этом выглядит следующим образом: девушка встречается с животным; оно производит в ее сторону какие-либо действия («*познал ее*», «*вошел в связь*», «*возился над ней*», «*налетели, свалили, залезли на нее*», «*вошел в нее*», «*облизывал голый живот*», «*ласкался к девушке, облизывал языком*»); от этой связи девушка беременеет и рождает сына; сын впоследствии становится основателем бурятского племени или рода.

Почти во всех приведенных материалах непосредственный контакт никак не завуалирован, а скорее, наоборот, подчеркнут. При этом девушка словно принимает на себя роль животного: «*по направлению к ней сделал так, как делают производители по отношению к корове*», «*сделал такое движение губами, какое он делал по отношению к кобылицам*», «*села на корточки, стала подражать им*». Таким образом, вывод об отсутствии у бурят знаний о причинах деторождения здесь неприменим, особенно учитывая

тот факт, что буряты на протяжении большей части своей истории занимались разведением скота.

Рассматривая наиболее распространенные, уже введенные в научный оборот и опубликованные материалы, можно прийти к выводу, что при работе с подобными сюжетами авторами и составителями проводилась цензура, в результате которой контакты с животными в сюжетах преданий не упоминались.

Примечательно, что в сюжетах девушка не выступает инициатором подобной связи: действия в отношении нее совершаются без ее выраженного согласия, нередко героиню истории похищают или насильно выдают замуж. В некоторых случаях она может находиться без сознания – во сне или обмороке. Как правило, девушка в таких преданиях не имеет имени, в отличие от родившегося от подобной связи сына, что является отражением патриархальных взглядов у бурят. При этом стоит отметить существование симметричного сюжета, бытующего у халха-монголов, в котором демоническая женщина похищает мужчину. Однако, как отмечает С. Ю. Неклюдов, «несмотря на полную симметричность данных версий, они, по-видимому, имеют разное происхождение». [Неклюдов, 2021, с. 3].

Разнообразие сюжетов прослеживается в упоминаемых в них видах животных: ими могут быть как дикие звери (медведь, волк), птицы (лебедь, тетерев), так и домашние, привычные для бурятского обихода животные (лошадь, собака, бык). Причинами, по которой тот или иной образ становится тотемом определенного племени или рода, могут быть географические особенности, связанные с местами обитания упоминаемых животных: чем чаще люди встречались с ними в природе или использовали в хозяйстве, тем более гармонично они вписывались в картину мира и передавались в фольклорных сюжетах. Помимо этого, рассмотренные в данной работе сюжеты могут стать материалом для изучения сравнительно-типологических связей фольклорной традиции бурят с другими народами.

Список литературы

- Бадмаев А. А. Образ собаки в традиционном мировоззрении и ритуале бурят / Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 49. С. 30–43. DOI: [10.17223/22220836/49/3](https://doi.org/10.17223/22220836/49/3). EDN: [PWAAFO](https://www.edn.ru/PWAAFO)
- Бадмаев А. А. Традиционные представления бурят о птицах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Том 48, № 2. С. 106–113. DOI [10.17746/1563-0102.2020.48.2.106-113](https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.2.106-113). EDN: [UUPZHN](https://www.edn.ru/UUPZHN)
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : НоваПринт, 2019. 720 с.
- Данилова А. Н. Мотив чудесного рождения героя в текстах олонхо Вилуйского региона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–4. С. 17–19. EDN: [ZWUSBX](https://www.edn.ru/ZWUSBX)
- Данилова А. Н. Чудесное рождение богатырки как архаический мотив в якутских олонхо о женщинах-богатырках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11–3. С. 30–33. EDN: [XYASDL](https://www.edn.ru/XYASDL)
- Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / перевод с французского О. Смолицкой, С. Рындина ; под общей редакцией С. Рындина. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. 584 с. EDN [QONWKJ](https://www.edn.ru/QONWKJ)
- Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. Москва : Издательство восточной литературы, 1960. 333 с.
- Зинурова Р. Р. Общее в сюжетобразующих мотивах башкирской богатырской сказки: чудесное зачатие и рождение // Проблемы востоковедения. 2019. № 2. С. 81–86. DOI: [10.24411/2223-0564-2019-10213](https://doi.org/10.24411/2223-0564-2019-10213). EDN: [HMNKSБ](https://www.edn.ru/HMNKSB)
- Леви-Стросс К. Мифологии. Том 1 : Сырое и приготовленное. Москва : Университетская книга, 2000. 400 с.
- Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. 2-е издание, исправленное. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2019. 172 с. EDN: [YYXNJZ](https://www.edn.ru/YYXNJZ)
- Неклюдов С. Ю. В плену у монгольской нимфы // Живая старина. 2021. № 1. С. 2–6. EDN: [NWBSOJ](https://www.edn.ru/NWBSOJ)
- Пропп В. Я. Мотив чудесного рождения // Фольклор и действительность. Москва : Наука, 1976. С. 205–240.

Убушиева Д. В. Мотив чудесного рождения героя в ранних циклах эпоса «Джангар» // Новый филологический вестник. 2020. № 3. С. 310–321. DOI: [10.24411/2072-9316-2020-00087](https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00087). EDN: DFBORK.

Хаджиева Т. М. Мотив чудесного рождения в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Том 10, № 4. С. 134–139. EDN: YFNFPH

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1960. Том 3. 421 с.

Nanzatov B., Sodnompilova M. Alternative history: creation, use and interpretation of Buryat genealogies // Facing challenges of identification: investigating identities of Buryats and their neighbor peoples. Warsaw, 2020. P. 49–63.

Zhanaev A. Alternative history: creation, use and interpretation of Buryat genealogies // Facing challenges of identification: investigating identities of Buryats and their neighbor peoples. Warsaw, 2020. P. 79–98.

References

Badmaev, A. A. (2023). Dog in The Traditional Worldview and Ritual of The Buryat. *Tomsk state university journal of cultural studies and art history*, 49, 30-43. EDN: PWAFO. <https://doi.org/10.17223/22220836/49/3>

Badmaev, A. A. (2020). Traditional Buryat Beliefs About Birds. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 48(2), 106-113. EDN: UUPZHN. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.2.106-113>

Baldaev, S. P. (2019). Rodoslovnye predaniia i legendy buriat., 720. Ulan-Ude: NovaPrint.

Danilova, A. N. (2017). The Motif of Hero's Miraculous Birth in The Texts of The Olonkho of The Vilyuysk Region. *Philology. Theory & Practice*, 12-4, 17-19. EDN: ZWUSBX.

Danilova, A. N. (2016). Miraculous Birth of An Epic Heroine as An Archaic Motive in The Yakut Olonkho. *Philology. Theory & Practice*, 11-3, 30-33. EDN: XYASDL.

Deskola, F., & Ryndina, S. (2012). Po tu storonu prirody i kul'tury., 584. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. EDN: QONWKJ.

Zhirmunskii, V. M. (1960). Skazanie ob Alpamyshe i bogatyrskaya skazka., 333. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoi literatury.

Zinurova, R. R. (2019). The Common in Motif Forming Plots in Bashkir Heroic Tales: The Wondrous Conception and Birth. *The problems of oriental studies*, 2, 81-86. EDN: HMNKS. <https://doi.org/10.24411/2223-0564-2019-10213>

Levi-Stross, K. (2000). Mifologiki. *Cyroe i prigotovlennoe*, 1, 400. Moskva: Universitetskaya kniga.

Meletinskii, E. M. (2019). Ot mifa k literature., 172. Moskva : Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet. EDN: YYXNJZ.

Nekliudov, S. Iu. (2021). V plenu u mongol'skoi nimfy. *Zhivaia starina*, 1, 2-6. EDN: NWBSOJ.

Propp, V. Ia. (1976). Motiv chudesnogo rozhdeniia. *Fol'klor i deistvitel'nost'*, 205-240. Moskva: Nauka.

Ubushieva, D. V. (2020). The Motif of the Miraculous Birth of the Hero in the Early Cycles the Jangar Epic. *The new philological bulletin*, 3, 310-321. EDN: DFBORK. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00087>

Khadzhieva, T. M. (2016). The Motif of Miraculous Birth in the Karachay and Balkar Nart Epos. *Dagestan state pedagogical university journal. Social and humanitarian sciences*, 10(4), 134-139. EDN: YFNFPH.

Khangalov, M. N. (1960). Sbornik sochinenii., 421. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Nanzatov, B., & Sodnompilova, M. (2020). Alternative history: creation, use and interpretation of Buryat genealogies. *Facing challenges of identification: investigating identities of Buryats and their neighbor peoples*, 49-63.

Zhanaev, A. (2020). Alternative history: creation, use and interpretation of Buryat genealogies. *Facing challenges of identification: investigating identities of Buryats and their neighbor peoples*, 79-98.

Информация об авторе

Дебеннова Зинаида Анциферовна – аспирант, стажер-исследователь Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8824-6624>;
ResearcherID: ABB-3891-2020
e-mail: debenova@gmail.com

Information about the author

Zinaida A. Debenova – postgraduate student, Institute of Mongolian Buddhist and Tibetan Studies, Ulan-Ude, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8824-6624>;
ResearcherID: ABB-3891-2020
e-mail: debenova@gmail.com

Поступила в редакцию 07.07.2023

Принята к публикации 11.11.2023

Опубликована 18.12.2023

Received 07 July 2023

Accepted 11 November 2023

Published 18 December 2023